

К. Baranova

AMBIGUITY IN COMPREHENSION OF
THE CATEGORY *FREEDOM* IN PRE-NATIONAL AMERICAN LITERATURE

Abstract. The article deals with various interpretations of one of the most significant constituent parts of the American self-consciousness in the XVII century literature. In-

terpretation of physical and religious freedom are mostly accentuated as basic aspects of the analysed category as well as the transformations in reference towards the mentioned hypostases of freedom in pre-national literature.

Key words: category of freedom, transformation, ambiguity, religious intolerance, slavery.

УДК 82-1

Горланов Г.Е.

**К ВОПРОСУ УЧАСТИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
И В.Г. БЕЛИНСКОГО В КРУЖКЕ Н.В. СТАНКЕВИЧА***

Аннотация: Историк русской философии Н.Д. Лосский считал, что в кружок Н.В. Станкевича входили (кроме других кружковцев) М.Ю. Лермонтов и В.Г. Белинский. Автор статьи, ссылаясь на мемуарные источники и тексты исследователей, доказывает ошибочность мнения философа.

Ключевые слова: славянофильство, кружок Н.В. Станкевича, западники, контекст, лермонтоведение.

Лермонтов, симпатизируя славянофилам, не выражал публично симпатии или антипатии к славянофилам, точно так же, как и к западникам, находясь как бы над схватками этих двух групп. Интуитивно он чувствовал и сильные, и слабые стороны полемизирующих сторон. В журнале «Отечественные записки», в котором работал В.Г. Белинский, Лермонтов опубликовал около 30 стихотворений, в число которых входили «Дума», «Ветка Палестины», «Три пальмы», «Дары Терека», «Журналист, читатель и писатель» и др. Здесь появились «Бэла», «Фаталист», «Тамань». В «Москвитяине», органе славянофилов, он публикует стихотворение «Спор». Анализ его стихов и прозы проводился на страницах обоих журналов. Е.И. Анненкова отмечала дальновидность его позиции: «Лермонтов сохраняет независимую и достойную позицию художника – «быть выше критики», не отказывает разбору Шевырева в серьезности, признает важность национально-исторической проблематики журнала. Позже Шевырев назвал стихотворение (исследователь имеет в виду «Спор». – Г.Г.) одним из лучших» [1]. После гибели Лермон-

това «почти все авторы (Ж.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.Е. Студицкий, анонимы), отмечая «огромное дарование» Лермонтова, настороженно восприняли его демонический индивидуализм, «мрачную думу», «разрушительное настроение» [1]. «Возникновение «западнического движения», – считает Н.О. Лосский, – связано с деятельностью кружка Станкевича. Этот кружок был организован в 1831 году, в бытность Станкевича студентом Московского университета. У Герцена и Огарёва, которые тоже были западники, в то время был свой кружок» [2]. «В кружок Станкевича, по мнению Н.О. Лосского, кроме других кружковцев входили В. Белинский и М. Лермонтов» [2]. Это мнение о связях Лермонтова в союзе с Белинским (с западниками) было бы весьма необходимым и интересным в целях развития гипотезы о понимании поэзии Лермонтова в контексте русского мирознания. Только для подтверждения такого мнения почти нет достоверных фактов. Да, Станкевич учился в одно время с Лермонтовым. Однокашник их П.Ф. Вистенгоф писал в мемуарах «Из моих воспоминаний», что выделялись между нами студенты первого курса: Станкевич, Строев, Красов, Компанейщиков, Плетнёв, Ефремов, Лермонтов. **Белинского в перечне нет.** Чем же выделялся Лермонтов в среде студенчества тех лет? «Студент Лермонтов, в котором тогда никто из нас не мог предвидеть будущего замечательного поэта, имел тяжёлый, несходчивый характер, держал себя совершенно отдельно от всех товарищей, за что в свою очередь и ему платили тем же. Его не любили, отдалялись от него и не имели с ним ничего общего, **не обращали на него никакого внимания.**

* © Горланов Г.Е.

Он даже и садился постоянно на одном месте, отдельно от других, в углу аудитории, у окна, облокотясь, по обыкновению, на один локоть и углубляясь в чтение принесённой книги, не слушая профессорских лекций. Это бросалось всем в глаза. Шум, происходивший при перемене часов преподавания, не производил никакого на него действия» [3].

Вот свидетельства ещё одного, видимо, студента, скрывавшегося за подписью «Г.Г»: «Исчезновение Лермонтова, отправившегося в Петербург для поступления в гвардейскую юнкерскую школу, не обратило на себя особого внимания; припоминали только, что он изредка показывался на лекциях, да и то почти всегда читал какую-нибудь книгу, не слушая профессора...» (Газета «День», 163, № 42).

Для большей убедительности сошлёмся на классика русской литературы И.А. Гончарова. «Нас, первогодичных, – делится он своими впечатлениями в заметке «Из воспоминаний», – было, помнится, человек сорок. Между прочим, тут был и Лермонтов, впоследствии знаменитый поэт, тогда смуглый, одутловатый юноша, с чертами лица как будто восточного происхождения, с чёрными выразительными глазами. Он казался мне апатичным, говорил мало и сидел всегда в ленивой позе, полулёжа, опершись на локоть. Он недолго пробыл в университете. С первого курса он вышел и уехал в Петербург. Я не успел познакомиться с ним» [3, 75].

Немного ошибся Иван Александрович: более года проучился Лермонтов: поступил 1 сентября 1830 года по решению Правления Московского университета после сдачи необходимых экзаменов на нравственно-политический отдел, а 6 июня 1832 года подал прошение об увольнении из университета. Первый курс – это только первоначальное знакомство друг с другом.

Приведённые нами цитаты не говорят о полнейшем игнорировании Лермонтовым студентов курса. Нет, были и общие компании, когда он принимал участие в «выдворении» из аудитории профессора Малова. Культ дружбы, способствовавший объединению, имел место: существовал кружок Герцена, в общежитии группа студентов собиралась вокруг Белинского, объединялись и вокруг Станкевича, о чём писал Н. Лосский. В мезонине на Малой Молчановке, по разысканиям Т.А. Ивановой, молодёжь собиралась у Лермонтова [4].

Кружок создавался до поступления в университет, и не все его члены были студентами. «В атмосфере большого взаимного рас-

положения и тепла царили разносторонние умственные интересы» [4, 90]. Правильнее будет согласиться с выводом неутомимого разыскателя биографических сведений о жизни Лермонтова П.А. Висковатого: «Лермонтов, ставший студентом Московского университета одновременно с упомянутыми людьми, **по-видимому, не был членом какого-либо из названных кружков**, но общность интересов связывала его с ними» [5]. Что из сказанного следует? Во-первых, **не стоит придавать серьёзного значения «кружкам по интересам», носившим чисто дружеский характер, напоминаям обычные школьные компании. Во-вторых, нет сведений об общих симпатиях Белинского и Лермонтова в кружках.** В лермонтоведении сложилось прочное мнение о первой встрече критика и поэта на квартире у Н.М. Сытина в Пятигорске в июле 1837 года. То есть до этой даты Лермонтов и Белинский не встречались, а стало быть, не могли быть в одном кружке. Эта встреча, на которой шёл разговор о Вольтере и Дидро, произвела тяжёлое впечатление на В.Г. Белинского. «Иван Иванович Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» говорит, что Белинский и Лермонтов познакомились в Петербурге, у г. Краевского, в то время, когда Белинский принимал деятельное участие в издании «Отечественных записок», т.е. в 1839 или 1840 году. Это несправедливо. Они познакомились в 1837 году в Пятигорске у меня. Сошлись и разошлись они тогда вовсе несимпатично. Белинский, впоследствии столь высоко ценивший Лермонтова, не раз подсмеивался сам над собой, говоря, что он тогда не раскусил Лермонтова» [3, 150], – вспоминает Н.М. Сатин. Далее мемуарист сообщает в деталях о визитах к нему поэта. «В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустяках; **они даже открыли, что оба уроженцы города Чембар (Пензенской губернии).**

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерита; взяв его и перелистав, он с увлечением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно в то время читал. Такой подход от пустого разговора к серьёзному разбудил юмор Лермонтова. На серьёзные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сы-

пал разными шутками.

– Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере, – сказал он в заключение, – если бы он явился теперь к нам в Чембары, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернёры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишённая смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты...» [3, 151].

В этой обширной цитате довольно-таки полно выражена суть нашего разговора о философских воззрениях Лермонтова, который к 25-летнему возрасту имел свою точку зрения, расходящуюся с воззрениями западников и, в частности, Белинского, чрезмерно увлечённого в этот период Гегелем. Из упомянутого эпизода видно, что Лермонтов явно отстаивает взгляды славянофилов. В иронии поэта нельзя не отметить и отношение к западническим «идеям», коими увлекался Белинский. Дабы яснее прозвучала эта мысль, Лермонтов, утрируя, **принижает значение «вашего Вольтера»**, помещая его в условия провинциальной жизни.

Здесь приведены три цитаты разных «наблюдателей» о поведении Лермонтова. Авторы отмечали нелюбимость поэта, читавшего в укромном уголке возле окна книгу во время лекции профессоров. Что это – свойство характера ленивого ученика? Ни в коем разе! Ему, читавшему в подлиннике Шекспира и Байрона, прекрасно знающему немецкий язык, (не говорю уже о французском, которым пользовались многие в привилегированных салонах), понимавшему толк в изобразительном искусстве и музыке, имевшему свой взгляд на историю России, слушавшему лекции М.Г. Павлова о Шеллинге, было неинтересно на первом курсе, который, по воспоминаниям И.А. Гончарова, был «чем-то вроде повторения высшего гимназического класса» [3, 74].

Потому-то Лермонтову стало смешно, когда Белинский с романтическим пафосом стал говорить о Вольтере. Как было сказано выше, его не привлекали разного рода кружки, будь то западнические или славянофильские. Много шуму в лермонтоведении наделали научные открытия так называемого «кружка шестнадцати», куда входили дети высокопоставленных столичных родителей. До такой степени он был законспирирован, что даже первый биограф П.А. Висковатый, обладавший огромными архивными материалами, беседовавший с теми, кто непосред-

ственно общался с Лермонтовым, ничего не знал. Советские литературоведы, хорошо поработав, обнаружили чуть ли не все имена кружковцев, проследили их биографии, среди которых отпрыски приближённых к Николаю 1 семейств (Фридерикс, Голицын, Паскевич, С. Долгорукий, Шувалов...), определено время его существования – 1838-1840 годы. Э.Г. Герштейн в книге «Судьба Лермонтова» посвятила отдельную главу «О кружке шестнадцати» [6]. Разумеется, все изыскания, касающиеся М.Ю. Лермонтова, следует только приветствовать, в том числе и упоминаемый мной замечательный честный труд Эммы Григорьевны. Меня настораживает только одно: уж больно кружковцы были разные по взглядам. Как крыловские «лебедь, рак и щука», могли ли они слаженно везти телегу общую кружковцев? Так, Гагарин, находясь под влиянием Чаадаева (западник) провозглашает в обществе будущих славянофилов веру в мессианскую роль России, «Браницкий мечется между патриотическими чувствами поляка и верностью присяге русскому царю, лютеранин Фредерикс переходит в православие, а Гагарин склоняется к католицизму...» [7]. Само собой напрашивается вопрос: что мог делать в этой разношёрстной компании автор стихотворений «Бородино», «Смерть поэта», «Валерик», «Родина»...? Что мог делать здесь русский православный человек, боевой офицер, сражавшийся за целостность России? Да и когда встречаться при постоянных переездах Лермонтова в условиях армейской жизни на Кавказе? Исследования продолжаются, а если есть поиски, то возможны новые открытия и новые доказательства.

В.Г. Белинский, конечно же, общался с Н.В. Станкевичем, который, скорее всего, объяснял критику, не знавшему немецкого языка, суть философии Гегеля. Только в 1840 году Виссарион Григорьевич стал вырастать из пелёнок Гегеля. В 1841 году он писал Боткину: «Субъект у него не сама по себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом, ибо, пощеголяв в нём (в субъекте), бросает его, как старые штаны. Благодарю покорно, Егор Фёдорыч (в кружке Станкевича так называли Гегеля. – Г. Г.), кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, я и там попросил бы вас отдать мне отчёт во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жерт-

вах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа 11 и пр. и пр., иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчёт каждого из моих братьев по крови, – костей от костей моих и плоти от плоти моя...судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здоровья китайского императора (т. е. гегелевской *Allgemeinheit*) [8].

Последние слова «судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира» перекликаются со строчками Лермонтова в «Герое нашего времени» при характеристике образа Печорина. Дабы приблизиться к объяснению таланта Белинского, сумевшего так тонко и глубоко понять творческое своеобразие поэзии и прозы Лермонтова, необходимо помянуть и работу Фейербаха «Сущность христианства», которая произвела на критика сильное впечатление.

Немало критических копий было брошено из литературных крепостей западников и славянофилов друг в друга. Вначале между ними не было резких разногласий. Потом только «Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались, – говорит об этом времени А.И. Герцен, – а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А.П. Елагиной». По вторникам сходились у Языкова. Поначалу бывали у него и Грановский, и Герцен, «но вскоре борьба славянофилов и «западников» приняла ожесточённый характер, и какие бы то ни было связи между двумя лагерями оборвались» [9]. Лермонтов, повторяю, был мудрее всех этих схваток.

В 1844 году Н.М. Языков, общавшийся с братьями Киреевскими, Аксаковыми, Хомяковым, написал стихотворение «К Чаадаеву», осуждающее его неприятие России и заигрывание католицизмом:

*Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна:
Её предания святые
Ты ненавидишь все сполна.
Ты их отрёкся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап...
Почтенных предков сын ослушный,
Всего чужого гордый раб!..* [10].

Не бывает дыма без огня. Боевой герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов в «Современной песне» назвал Чаадаева «маленьким аббатином» [11].

Н.Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» дал

славянофилам такую характеристику: «Мы никогда не разделяли и не чувствуем ни малейшего влечения разделять мнения славянофилов, но по всей справедливости должны сказать, что если понятия их и надобно признать ошибочными, то нельзя не сочувствовать им как людям, проникнутым сочувствием к просвещению. Отчасти в увлечении жаром полемики, ещё более потому, что смешивали истинных славянофилов с людьми, которые пустоту и кичливость своих мнений прикрывают напыщенными родомантодами на отрывочные и непонятные мысли, замаскированные напрокат у славянофилов, эту школу обвиняли во вражде к науке, в обскурантизме, в стремлении возратить Россию «ко дням Кошихина» и т. д. Упрёки эти... несправедливы, – по крайней мере, относительно таких людей, как гг. Аксаковы, Кошелев, Киреевские, Хомяков, решительно несправедливы. Горячая ревность к откровенному началу всякого блага, просвещению, одушевляют их. Нет нужды лично знать их, чтобы быть твёрдо убеждёну, что они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе» [12]. Потому-то и дружил Лермонтов со славянофилами, что раньше Чернышевского поэтически почувствовал их одаренность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анненкова Е.И. Лермонтовская энциклопедия. – М., 1999. – С. 288.
2. Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – С. 73.
3. Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. – Пенза. 1960. – С. 78.
4. Иванова Т.А. Лермонтов в Москве. – М., 1979. – С. 88.
5. Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – М., 2004. – С. 103.
6. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. – М., 1964. – С. 285-379.
7. Герштейн Э.Г. Лермонтовская энциклопедия. – М. – С. 235.
8. Белинский В.Г. Философские сочинения. – М., 1947. – С. 572-573.
9. Бухмейер К. // Н.М. Языков. Стихотворения и поэмы. – Л., 1958. – С. 12.
10. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 371.
11. Русский архив. 1893. № 8. – С. 579.
12. Чернышевский Н.Г. Полное собр. соч. Т. 3. – М., 1947. – С. 78.

E. Gorlanov

TO THE QUESTION OF PARTICIPATION OF M. LERMONTOV AND V. BELIBNSKY IN N. STANKEVICH'S CIRCLE

Abstract: The historian of Russian philosophy N. Lossky thought that M. Lermontov

and V. Belinsky [except of other participants] participated in N. Stankevich's circle. Referring to the memoirs and the texts of scientific researchers, the author of the article proved

the fallacy of the philosophers' opinion.

Key words: N. Stankevich's circle, slavophilism, zapadnik, context, study of M. Lermontov's works.

УДК 82-1

Горланов Г.Е.

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ А.С. ХОМЯКОВА И ТВОРЧЕСТВО М.Ю. ЛЕРМОНТОВА *

Аннотация: Мнения славянофилов, и А.С. Хомякова в частности, во многом разделял М.Ю. Лермонтов. Они разрабатывали, как поэты, общие темы. Автор считает, что религиозно-философские взгляды А.С. Хомякова повлияли на творчество М.Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: славянофильство, русская идея, философия, православие, народолюбие, славянское братство.

Зарождение изучения русского национального самосознания относится к 30-м – 40-м годам XIX века и связано, прежде всего, с деятельностью Ивана Васильевича Киреевского (1806-1856), Алексея Степановича Хомякова (1804-1860) и славянофилов младшего поколения: Юрия Фёдоровича Самарина (1819-1876), Константина (1817-1860) и Ивана (1823-1886) Аксаковых, вошедших в историю русской философии под обобщающим именем «славянофилы».

Сам по себе термин во многом условен, так как не выражает всей многоцветной палитры разнообразных проблем, разрабатываемых названными философами. Кроме чистой философии, все они в большей или меньшей степени занимались литературой. Своё основное учение о самосознании русского народа они называли «истинно русским», «московским» по издаваемому журналу «Москвитянин», «славяно-христианским». «Вообще тогдашний образ мыслей Лермонтова чрезвычайно интересен. В нем заметны взгляды, сказавшиеся и в кружке московских славянофилов. Муравьев даже видел сходство между ними и Хомяковым» [1]. В пересказе П.А. Висковатого жизненное «сходство» звучит следующим образом: «Лермонтов просиживал у меня по целым вечерам, живая и остроумная его беседа была увлекательна, анекдо-

ты сыпались, но громкий и пронзительный его смех был неприятен для слуха. Как бывало и у Хомякова, с которым во многом имел он сходство...» [1, 199]. И еще: «Видно, Лермонтову чужды были мысли, которые затрагивались уже тогда в кружках Аксаковых и после вспыхнули ярким огнем, когда философские письма Чаадаева поделили московские кружки на два лагеря: «славянофилов» и «западников...» [1, 112].

С Лермонтовым славянофилов сближало литературное творчество и общность взглядов по многим вопросам. Так они выступали против крепостного права и за просвещение всего народа, а не только его зажиточной части. Изучение западноевропейской мысли дало возможность И.В. Киреевскому сравнивать русский архетип с европейскими, с немецким, в частности. «Англия и Германия, по его мнению, находятся теперь на вершине Европейского просвещения; их внутренняя жизнь уже окончила своё развитие, состарилась и получила ту односторонность зрелости, которая делает их образованность исключительно им одним прилично» [2].

Был близок Лермонтову А.С. Хомяков. Видимо, они неоднократно встречались в мае 1840-1841 года. Именно в это время Лермонтов делает в своем альбоме зарисовку, в которой изображает сцену беседы с Хомяковым. Составитель альбома рисунков и живописных работ Лермонтова отмечала во вступительной статье: «Среди разнообразных сценок этого альбома есть одна, на которой изображен сам Лермонтов, стоящий спиной к камину, а в глубоком кресле сидит писатель-славянофил А.С. Хомяков. Композиция проста и жизненна, позы непринужденны, несомненно портретное сходство изображаемых. Подпись под рисунком «Diplomatie ci wile et militaire» (Дипломатия гражданская и военная) заставляет предположить, что здесь отражен какой-то

* © Горланов Г.Е.